

УДК 398.22

DOI 10.25587/a1682-8086-4671-y

Т. В. Говенько

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Институт филологии Московского педагогического
государственного университета

РАБОТЫ АКАДЕМИКА А. Н. ВЕСЕЛОВСКОГО ОБ ЭПОСЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В наследии выдающегося русского ученого и педагога А. Н. Веселовского (1838–1906) достойное место занимает круг работ, посвященных истории эпоса. Речь идет как о фундаментальных сравнительно-исторических исследованиях, так и о его мелких заметках, критических статьях и рецензиях, лекциях об истории эпоса, оттисках работ с дополнениями автора, неопубликованных очерках как на русском, так и на иностранных языках (объем которых никак не меньше того, что было издано), хранящихся в личном архиве ученого в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. В настоящей статье анализируются концептуально-методологические взгляды академика Веселовского на эпос; выясняется, какие признаки эпоса он относил к видовым; устанавливается, зачем, почему и каким образом им учитывались процессуальные, функциональные, структуральные, семиологические, идеологические, эстетические, общественно-политические, экономические, национальные и прочие критерии в работе с текстом; разбирается, что позволяло ему объективно и многогранно изучать эпические сюжеты, восстанавливать утраченные, забытые, недостающие, существующие имплицитно мотивы и иные сюжетные элементы, реставрировать внутренние связи и функции эпических героев в однотипных и ставших фрагментарными текстах и т. д. Несмотря на то, что Веселовского в XX в. часто упрекали в схематизме, позитивизме, эволюционизме, в незавершенности его теорий и т. д., при внимательном рассмотрении становится очевидным, что в его трудах заложены продуктивные идеи и теоретические основы, которые впоследствии послужили стимулом развития в эпосоведении таких направлений, как текстология, семиотика, морфология, сюжетология, прагматика, этнология и т. д. Широкое применение в исследовательской практике получили сравнительно-исторический, структурально-функциональный, семантико-стилистический, историко-контекстуальный и другие методы изучения традиционной культуры, у истоков которых стоял ученый. Мы хотим восстановить историческую справедливость и заново оценить заслуги Веселовского в области эпосоведения.

Ключевые слова: научное наследие академика А. Н. Веселовского, фольклористика, эпосоведение, фольклористическая текстология, методология, эпическая традиция, поэтика, этнос, эпос, устно-поэтическое творчество.

Т. V. Govenko

Works of Academician A. N. Veselovsky on the epic: conceptual and methodological aspect

Abstract. In the legacy of the outstanding Russian scholar and teacher A. N. Veselovsky (1838-1906), a decent place occupies a circle of work on the history of the epic. We are talking both about fundamental comparative historical studies, and about his small notes, critical articles and reviews, lectures on the history of the epic, prints of work with the author's additions, unpublished essays both in Russian and in foreign languages (which are in volume no less than what has been published) stored in the personal archive of the scholar in the handwritten

ГОВЕНЬКО Татьяна Владимировна – к. филол. н., с. н. с. отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доцент кафедры русской классической литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета. Москва, Россия.

E-mail: govenko@mail.ru

GOVENKO Tatiana Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Russian Classical Literature, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University. Moscow, Russia.

E-mail: govenko@mail.ru

manuscripts department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. This article analyzes the conceptual and methodological views of Academician Veselovsky; reveals what signs of the epic he attributed to the genre ones; establishes why and how he took into account procedural, functional, structural, semiological, ideological, aesthetic, socio-political, economic, national and other criteria in the analysis of texts; attempts to explain what helped him to conduct an objective and multifaceted study of epic plots, restore lost, forgotten, missing, existing implicitly motives and other plot elements, restore the internal connections and functions of epic heroes in the same type and fragmentary texts, etc. Despite the fact that in the 20th century, Veselovsky has been often reproached in schematism, positivism, evolutionism, in the incompleteness of his theories, etc., with attentive consideration it becomes apparent that there are productive ideas and the theoretical foundations in his writings, which later served as an incentive of development in the epoch of such directions as textology, semiotics, morphology, scenery, pragmatics, ethnology, etc. Researchers widely use the received comparative historical, structural-functional, semantico-stylistic, historical contextual and other methods of studying traditional culture, developed by the scholar. We want to restore historical justice and re-evaluate the merits of Veselovsky in the field of epic.

Keywords: scholarly legacy of Academician A. N. Veselovsky, folklorism, epic, folkloristic textology, methodology, epic tradition, poetics, ethnos, Epos, oral poetic creativity.

Введение

Работы А. Н. Веселовского об эпосе представляют значительную часть научного наследия ученого, однако его освоение сопряжено с большими трудностями.

В 1993 г. С. Н. Азбелевым была издана обзорная статья «Рукописи А. Н. Веселовского по народному эпосу». Условно он разделил их на четыре группы: «1. Неопубликованные исследовательские работы или части исследовательских работ, не вошедшие в опубликованные автором тексты. 2. Рукописные дополнения (иногда и поправки) к напечатанным текстам исследовательских работ. 3. Конспекты лекционных курсов, их программы и материалы к ним. 4. Разного рода подготовительные материалы к исследованиям и рецензиям» [1, с. 3].

Попытка собрать все труды А. Н. Веселовского об эпосе для их комплексного изучения предпринималась и раньше, при подготовке Собрания сочинений академика. В 1939 г. М. П. Алексеев и Г. С. Виноградов работали над 17-ым томом (точнее, над первым томом шестой серии в двух частях) под названием «Южнорусские былины». В его состав они включили многочисленные поправки и дополнения Веселовского, его обширные комментарии и примечания, не вошедшие в издания 1881 и 1884 гг., но имеющие место на оттисках его работ (Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом): Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 114, 115, 116). Однако по идеологическим причинам печать Собрания сочинений была заморожена. Из запланированных 26 выпусков свет увидели только 10: в 1908 г. – т. 3; в 1909 г. – т. 4, вып. 1; в 1911 г. – т. 4, вып. 2; в 1913 г. – т. 1; в 1913 г. – т. 2, вып. 1; в 1915 г. – т. 5; в 1919 г. – т. 6; в 1921 г. – т. 8, вып. 1; в 1930 г. – т. 8, вып. 2; в 1938 г. – т. 16. Отметив 100-летие со дня рождения академика А. Н. Веселовского, в 1939 г. В. М. Жирмунский (автор предисловия), М. П. Алексеев (автор комментария), В. А. Десницкий и А. А. Смирнов опубликовали отдельным изданием лишь «Избранные статьи» ученого [2], а в 1940 г. Жирмунский издал еще сборник его работ, получивший название «Историческая поэтика» [3]. Этот поступок требовал от составителей большого мужества, так как ратующие «за большевистскую партийность науки о литературе» посмертно обвинили выдающегося ученого с мировым именем в «низкопоклонстве перед капиталистическим Западом» [4, с. 23] и придали его имя забвению. В итоге поступательный процесс развития отечественной академической школы был нарушен, наука на долгие годы лишилась ценного исследовательского опыта Веселовского, «широте и разнообразию которого мог бы позавидовать любой эпосовед» [5, с. 32].

В связи с этим малоизученными остались не только исследования, но и лекции А. Н. Веселовского по истории эпоса. Он читал их в Императорском Санкт-Петербургском университете и на Бестужевских (женских) курсах на протяжении нескольких лет. По мнению В. Е. Гусева и С. Н. Азбелева, на их основе ученый готовил самостоятельную «общую книгу об эпосе» [6, с. 253]. О своем намерении он упомянул в рецензии «Новые исследования о французском эпосе» (1885), но точное ее название не дал. В. М. Жирмунский считал, что упомянутой

книгой был известный труд Веселовского «Из истории романа и повести» (1886), в предисловии к которому он «повторяет буквально, почти без всяких изменений, вступительную лекцию к литографированному курсу 1883–1884 гг. по истории романа и новеллы, помеченную 3 октября 1883 г.» [7, с. 7].

Лекции Веселовского по истории эпоса по литографированным изданиям конспектов студентов частично были опубликованы В. М. Жирмунским [8, с. 446–492] и В. М. Гацаком [9, с. 287–319], однако, как свидетельствовал В. Ф. Шишмарев, сам Веселовский относился к этим конспектам «резко отрицательно и даже сердился, когда на них ссылались» [10, с. 28]. Фрагменты лекций по истории эпоса непосредственно по авторской рукописи Веселовского (Рукописный отдел ИРЛИ РАН: Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 149) подготовил к печати Азбелев [11, с. 129–139; 12, с. 99–117; 13, с. 507–520]. Впервые их описание дал В. Е. Гусев [14, с. 222–224].

Желая восстановить некую объективность относительно взгляда на эпосоведческое наследие Веселовского, С. Н. Азбелев в работе «Эпосоведческое наследие А. Н. Веселовского в современности» (1995) вступил в открытую полемику с Е. М. Мелетинским, суждения которого о взглядах Веселовского строились исключительно на издании 1940 г. [3]. Азбелев считал его непригодным для научного использования, так как «в первой части, при перепечатке основных работ из первого тома Собрания сочинений, были опущены важные дополнения Веселовского к этим работам (занившие там сто страниц убористого шрифта); во второй части перепечатаны его лекции из литографированных изданий, осуществленные по записям студентов Петербургского университета, но не по авторскому тексту» [5, с. 32]. Азбелев настоятельно рекомендовал ученым обращаться к академическим изданиям работ А. Н. Веселовского, а также непосредственно к авторским рукописям.

Помимо исследований и лекций, А. Н. Веселовский много писал об эпосе в своих рецензиях на труды коллег: «Две Варшавские диссертации» (1872) [15], «Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volkspoesie. Zweiter Artikel. Ein deutsches Werk über die russischen Bylinen» (1882) [16], «Труды этнографически-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом, юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским, 7 томов» (1880) [17], «И. Жданов. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881» (1884) [18] и т. д. Их также надо принимать во внимание, если мы хотим получить полную картину о представлениях Веселовского об эпосе. Как правило, критическому анализу ученый подвергал методологические ошибки авторов. Одной из самых распространенных он считал увлеченность исследователей поэтикой и приписывание эпическим произведениям разных народов общих признаков без учета их национальных и религиозных особенностей, художественно-стабильного уровня мышления. Указывая на многочисленные нерешенные проблемы в эпосоведении, Веселовский призывал ученых заниматься в первую очередь собирательной деятельностью, систематизировать полученные материалы, изучать их этнические истоки и специфику социально-исторического развития народа носителя эпоса.

Важно отметить, что в личном архиве ученого хранятся оттиски буквально всех его публикаций. Поскольку в духе Веселовского было работать над выбранной им темой в несколько этапов, каждая из них снабжена пометками или даже вклейками с дополнительной информацией, наблюдениями и суждениями ученого, неизвестными нам из-за того, что они до сих пор не обнародованы в полном объеме. К примеру, оттиск статьи «Былина о Садке» (1886) (Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом): Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 163) дополнен сведениями о культах св. Николая, св. Климента и других святых, что является новыми доказательствами гипотезы ученого. То же самое можно сказать и об оттиске статьи «Эпические повторения как хронологический момент» (1897) (Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом): Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 253), где есть не только новые примеры, но и новые высказывания ученого, укрепляющие его концепцию. В статье «Труд А. Н. Веселовского «Южнорусские былины»: проблемы издания» (2011) [19] Азбелев, в очередной раз поднимая вопрос о важности переиздания трудов академика вкупе с его архивом, напомнил о своей публикации неизвестной работы Веселовского «Былины о Волхе Всеславьевиче и поэмы об Ортните» (Рукописный отдел ИРЛИ РАН: Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 292) [20], доказав эффективность такого подхода для переосмысления идей ученого.

В 2013 г. мы тоже предприняли попытку переиздания нескольких ключевых трудов А. Н. Веселовского об эпосе [21], снабдив их обширными дополнениями из рукописного архива ученого, собственными комментариями и статьей. Как нам удалось выяснить, план издания «Южнорусских былин» менялся Веселовским несколько раз. Что-то из запланированного им ранее действительно вошло в состав сборника, иное осталось в рукописях или даже в планах. Однако важнее для нас другое: будучи ограниченным в материале, Веселовский, пусть и проявлял осторожность в научных обобщениях, с вдохновением позволял себе «закладывать основы, задавать ход идеям и понятиям таким образом, что они в последующей науке живут и движутся сами, активизируя деятельность сменяющихся научных поколений» [22, с. 4]. То, как развивается современное эпосоведение, доказывает, что выбранный им концептуально-методологический подход был в высочайшей степени верным.

Таким образом, цель нашего исследования заключается в следующем: получить представление о концептуально-методологических взглядах Веселовского на эпос на материале его опубликованных и неопубликованных статей, рецензий, лекций, фрагментов на оттисках, письмах и т. д.; выяснить, какие признаки эпоса он относил к видовым; установить, какие критерии он использовал в работе над текстом и каким образом планировал объективно и многогранно изучать эпические сюжеты, восстанавливать утраченные, забытые, недостающие, существующие имплицитно мотивы и иные сюжетные элементы.

Эпос как идеализация прошлого в историческом развитии поэтических форм

Чтобы определить суть проделанной А. Н. Веселовским работы в области эпосоведения, для начала надо понять, какой научный принцип был принят им за основу.

Обыкновенно свои исследования об эпосе ученый объединял в циклы под общими названиями: «Отрывки византийского эпоса в русском» (1875–1876), «Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos» (1879, 1884), «Южнорусские былины» (1881, 1884), «Мелкие заметки к былинам» (1885–1890) и т. д. Многие эпосоведы до сих пор уверены в том, что каждый этюд подобного цикла – это «самостоятельное исследование», что свести воедино результаты своих работ о былинах Веселовский «не успел, как не успел, по-видимому, отобразить полностью в опубликованных работах конкретные свои наблюдения, относящиеся к русскому эпосу» [1, с. 4]. Его метод называют преимущественно сравнительным и полагают, что он сопоставлял разные версии фольклорного произведения подобно тому, как «лингвист сопоставляет два наречия одного и того же языка» [23, с. 121] для установления древнейшего общего предка. Приводя «множество византийских, славянских и западно-европейских параллелей, взятых из самых разных источников <...> [Веселовский] в лучшем случае указывает литературный источник той или иной былины или даже целого былинного цикла» [24, с. 106], но выводов никаких не делает, – сетуют специалисты.

Мы предлагаем посмотреть на деятельность А. Н. Веселовского с другого ракурса: что если «Южнорусские былины» – это не серия очерков, а хорошо продуманный исследовательский проект, который изначально был задуман его автором как открытая и незавершенная система. Еще точнее: «Южнорусские былины» – это сюжетный каталог с описанием разных типов эпических произведений, о потребности в котором для науки так часто говорил ученый. Как известно, подобного рода проекты изначально предполагают многолетнюю работу по обнаружению, накоплению и сбору фактов для каждого раздела (чем, собственно говоря, Веселовский и занимался всю свою жизнь, о чем свидетельствует его архив).

Собирая самые разные свидетельства о каждом отдельном произведении в его многочисленных версиях, А. Н. Веселовский проводил экспертизу эпического материала с учетом как семантических, так и морфологических особенностей «каждой былинной группы порознь» [25, с. 9]. Принцип его работы был следующим: описать структуру и состав текста; выполнить стилистический разбор; прокомментировать развитие сюжета с позиции дихотомии; выявить общие мотивы в других жанровых образованиях, чаще сказочного, житийного или легендарного характера; зафиксировать наличие или отсутствие письменных средневековых источников; изучить особенности эпох, проливая свет на историческое прошлое того или иного народа не только с точки зрения значимых событий, но и с позиции житейской мелочи. Судя по всему, добывать эти факты Веселовскому было чрезвычайно важно и интересно. Похоже, он

хорошо сознавал, что благодаря каталогизации ученые не только получают объективные знания об эпических сюжетах, но и возможность восстанавливать утраченные, забытые, недостающие, существующие имплицитно мотивы и иные сюжетные элементы.

Как нельзя лучше для подобных целей подходил сравнительный метод. Поскольку Веселовскому было важно, как справедливо заметил В. Е. Хализев, оценить «различные грани литературного процесса» [26, с. 6], он предложил метод, готовый к дальнейшим надстройкам исторического развития, где «каждый новый параллельный ряд может принести с собой новое изменение понятия» [27, с. 15]. То есть, делать научные обобщения на этом этапе в его планы не входило, так как он допускал это «лишь в конце долгой ученой деятельности, как результат массы частных обобщений, добытых из анализа целого ряда частных фактов» [27, с. 15]. В связи с тем, что его современники к такой систематизации и структуризации готовы не были, их оценка чаще всего сводилась к тому, что Веселовский «редко достигал совершенно убедительных даже для самого себя выводов и положений» [28, с. 521]. Она-то и стала впоследствии доминирующей.

Размышляя на тему видовых признаков эпоса, Веселовский писал: «Всякий эпос зарождается, несомненно, после того, как в истории является известное историческое движение» [9, с. 292], то есть, имеет место событие, дискурс и общественная оценка.

1) Событие. Героический эпос приурочен к военно-политическим событиям. Эпос или, говоря современным языком, нарратив с осознанной ретроспективой, еще в этногенезе ориентирован на благоговейное отношение к национальным героям, к героическим деяниям предков и их ценностям. Культ личности становится важнейшей конститутивной чертой эпоса, формирует систему его образов, сюжетику и художественный метод. Одной из особенностей эпоса является подробное описание событий, эпическая детализация и эпические повторы.

2) Дискурс. Обсуждая видовые признаки эпоса, А. Н. Веселовский не раз подчеркивал, что эпический текст декламируется по случаю, рассказывается к месту, имеет отношение к конкретной общественно-политической и культурно-исторической ситуации. Специфику эпического жанра формировала обстановка – трапеза (пир) военной дружины, и референция – воспевание славы героя. И если о сказке можно сказать, что она однозначно носит фикциональный характер, то эпос демонстрирует разные способы художественного осмысления действительности. В первую очередь это связано с оценочным подходом к описанию событий, а также со стратификацией эпоса, которая соотносится со стадийным развитием общества. По этой причине ученый предлагал анализировать эпические тексты исходя из самых разных аспектов: социо-культурных, психологических, идеологических, эстетических, общественно-политических, экономических, национальные и прочих

3) Общественная оценка. Обозначив фольклор как явление гораздо более социологизированное, чем другие виды искусства, ученый сместил свой исследовательский ракурс к прагматике для выяснения условий самого факта произнесения текста и анализа влияния внешних факторов на его содержание и оформление. Упрощенное представление о том, как происходит переход от впечатления к отражению А. Н. Веселовский говорил в студенческой аудитории: введите людей, которые долгое время жили вместе, в чуждое им общество, и вы увидите, что сначала они осматриваются – происходит «работа» синкретичного сознания, направленная на распознавание знакомого и значимого явления; вернувшись домой, в кругу семьи они начинают одинаково рассказывать о ходе событий, о том блестящем и громком, что привлекло их общее внимание – это свидетельствует о ментальности. Таким образом, решающее значение для формирования текста играет общественное сознание.

Отношение к событию, отрефлексированное коллективно и оформленное в художественное высказывание, в таком «сущем и мыслимом виде» (термин А. Ф. Лосева) будет бытовать до тех пор, пока у носителей не возникнет повода для смыслового диссонанса. Содержание эпоса, писал А. Н. Веселовский, всегда сакрально. Позже М. М. Бахтин в статье «Эпос и роман» (1970) объяснил это таким образом: «Эпическое прошлое, отгороженное непроницаемой гранью от последующих времен, сохраняется и раскрывается только в форме национального предания. <...> Эпический мир абсолютного прошлого по самой природе своей недоступен личному опыту и не допускает индивидуально-личной точки зрения и оценки. <...> Он готов, завершен и

неизменен и как реальный факт, и как смысл, и как ценность» [29, с. 208]. И эпос находит себе выход в том, что начинает наращивать формальный потенциал текстовой материи, циклизироваться, переходить от «малых» форм к «большим».

Говоря о принципах моделирования художественного пространства эпоса, Веселовский предложил следующий алгоритм: «1) *Готовые* эпические схемы, в которых 2) выражается *идеальное* содержание исторических событий, эпохи и т. п., вызывающие эпическое *творчество*; 3) позднейшие эпические и легендарные *наслоения*» [13, с. 512]. В случае с эпосом это приводит к наращиванию формального потенциала текстовой материи, ее циклизации, перехода от «малых» форм к «большим», тогда как его содержание всегда сакрально. Развития эпоса ученый увидел в наслоении скорее всего потому, что мыслил в рамках законов диалектики. Движущей силой ему представлялся конфликт между стереотипом и новым впечатлением, этим элементом свободы, который для каждого случая свой, что и пытался доказать Веселовский в своих исследованиях. В частности, в работе «Теория или история романа?» (1884) им был затронут вопрос об эволюции эпоса, ответ на который он пытался найти все в том же соотношении событие–дискурс–общественное мнение.

Словно отвечая своим будущим оппонентам, А. Н. Веселовский писал, что с точки зрения генеалогической поэтики богатырские типы «не могут служить исходной точкой для восстановления древней песенной основы» [25, с. 9], так как они сами являются результатом «исторического сложения и последовательных наращений» [25, с. 9]. Если на эту проблему посмотреть с позиции эволюции сознания, а художественная условность, по мнению ученого, соотносима больше именно с этой областью, то перед нами открывается интересная научная перспектива изучения эпического текста как феномена языка в контексте социальной и культурной жизни социума, его контекстуального окружения, истории этноса и осознания народом своих национальных особенностей. Человек с мифологическим сознанием, писал он примерно в это же время в лекциях об эпосе, «живет одними внешними впечатлениями, весь *отдается миру событий*» [30, л. 5]. Сравните, к примеру: «У Гомера Ахил в пылу гнева обнажает меч, чтобы броситься на Агамемнона, но благоразумие одерживает вверх, и он не приводит в исполнение своего замысла. Как описан у Гомера этот подвиг умеренности? Ниспосланная герою сходит с небес Афина и в минуту, когда Ахил замышлял злое, хватает его за русые кудри и таким образом сдерживает его пыл» [30, с. 7]. В эпической поэзии Средневековья битва описана несколько иначе: «теперь каждый случай действительной жизни рассматривается с точки зрения чувства» [30, л. 7]. Описывая события, рассказчик вкладывает в них личное отношение. До этой операции человеку надо было «дорости», научиться отстраняться, «заглядывать в самого себя». Взгляд на мир, дополненный личными эмоциями сказителя, его желанием выразить собственное отношение к событиям – это ли не момент рождения литературы?

Спустя почти сто лет швейцарский медиевист Поль Зюмтор в труде «Опыт построения средневековой поэтики» (1972) будет руководствоваться теми же самыми принципами: 1) материальным, 2) структурным и 3) коммуникативным. Выводы Зюмтора предельно близки тем заключениям, к которым пришел Веселовский: «От века к веку, в ее (средневековой поэзии – Т.Г.) устройстве обозначаются сдвиги, смещения акцентов, так или иначе связанные с ходом истории. Первые признаки подобных натяжений заметны уже в очень ранний период; мало-помалу они сливаются в тенденции, которые, соседствуя с тенденциями архаическими (а иногда и искажая их), вступают с ними в противоречие. <...> Прорыв от типов к конкретике, к частному опыту совершился, видимо, через *описание*, прием, характерный в целом для романа» [31, с. 146].

Посвятив ряд сравнительно-исторических исследований цикла «Южнорусские былины» русским, украинским, французским, византийским, германским, болгарским, сербским и другим эпическим памятникам в соотношении с историческими и этнографическими сведениями, Веселовский поставил перед собой цель выявить не только материальные, но и идейные особенности «концептосферы» (термин Ю. М. Лотмана) эпоса. Если общественный запрос сосредоточен на стремлении не утратить воспоминания о лидерах нации и их деятельности, то на первый план выходит опыт мифа. Как писал Веселовский, «сходство эпических и мифических, и, добавим, сказочных схем *ничуть не указывает само по себе на направление*

генезиса, на превращение богов в героев и богатырей и далее в сказочных царевичей и Иван-дураков» [6, с. 244]. Мифо-поэтическая образность, наряду с архетипами личного и коллективного бессознательного, оставалась в эпосе с «человечески суггестивным» значением в рамках «эстетического бытия» (термин М. М. Бахтина), однако на онтологическом, антропологическом, идеологическом уровнях эпос преодолевал миф, вставал по отношению к нему в оппозицию.

А. Н. Веселовский неоднократно подчеркивал, что эпос не есть «непосредственное истечение из мифа, а новая формация» [13, с. 516]. Во-первых, эпическому свойственно не «субъектно-субъектное» восприятие мира, а «субъектно-объектное», с переходом от веры к идеологии, от общества к личности. Во-вторых, личностное восприятие привносит в эпическое связь с категорией времени. В мифе время бесконечно, боги живут вечно, все движется по кругу. В эпосе история общества, как и отдельно взятого героя, развивается от прошлого к будущему. В-третьих, тот, кто хочет изучить результаты вековой работы эпоса должен: 1) познакомиться «не столько с политической, сколько с *народной*, общественной историей» [32, с. 269] и 2) учитывать, что эпос это «своего рода исторический суд» [9, с. 299]. Эпос отражает социокультурное состояние общества, сознающего важность национального самоопределения и самоутверждения через родной язык и культуру в определенный исторический период. В-четвертых, эпический мир мыслился (и мыслится) его носителями как далекий, но действительно существовавший, имеющий самое непосредственное отношение к историческому прошлому народа. Он наделен всеми признаками мира реального, земного: государственное устройство, социальная иерархия, враги, пиры, семья, дом, рождение, сватовство, смерть – все это понятные и узнаваемые атрибуты. Более того, национальный эпос разных народов мог питаться как демократическими идеалами героизма (испанский эпос), так и «королевскими идеями» [13, с. 517] (французский эпос). Поэтому для каждого отдельного случая ученый предлагал находить объективное основание, ориентируясь на «историко-бытовые» и этнические процессы.

Враг эпической памяти, подчеркивал А. Н. Веселовский, это не время, а другие воспоминания: каждое новое событие требует образования новых связей. Более того, переход от впечатления к воспоминанию невозможен без воображения. Эпическая личность столь же условна, как и эпическое время. И «чем *далее* образ или ассоциация образов удерживается в предании человечества, тем более мы вправе заключать об их *эстетичности*» [33, с. 619]), потому что в поле искусства от личности остается всего лишь «тот *идеальный образ*, которым известное происшествие или героическая личность отразились в народном сознании» [15, с. 909]. И поскольку по наследству от мифа поэтическая система эпоса получила статус «безусловного значения аксиомы» [13, с. 507], «*историческая вероятность*» [34, с. 128] становится ее константной и непоколебимой основой. «Если б испанцу XIII–XIV веков кто-нибудь передал вполне достоверный факт об «историческом Сиде» и этот факт шел вразрез с укоренившимся в нем песенным представлением о народном герое Кастилии, нет сомнения, что он отринул бы рассказ, не укладывавшийся в его *идеальный образ*, и поэтический Сид одержал бы в нем верх над Сидом истории» [35, с. 127], – уверял Веселовский.

Для изучения свойств и особенностей эпического мирозерцания многие специалисты сравнивают эпические тексты, в которых так много исторических и бытовых подробностей, с летописью, с деяниями исторических личностей. Веселовский предлагал не ограничивать филологический анализ только этими данными. В эпическом мире историческое явление оказывается в особом контексте, в условиях особой закономерности, чем сама история. Эпос – это художественно-образная форма переживания прошлого, когда процессы восприятия и познания спроецированы не на окружающий мир, а на апперцепцию – осмысленное воспоминание, освещение событий давно минувших дней под национально-патриотическим углом зрения. Опираясь на достижения современных ему психологических, антропологических, социальных теорий, Веселовский задался целью выявить и описать генеральные и сквозные качества эпоса.

В лекции «Из введения в историческую поэтику» (1894) Веселовский писал: «В памяти народа отложились образы, сюжеты и типы, когда-то живые, вызванные деятельностью известного лица, каким-нибудь событием, анекдотом, возбуждившим интерес, овладевшим чувством и фантазией. Эти сюжеты и типы обобщались, представление о лицах и фактах могло

заглохнуть, остались общие схемы и очертания» [36, с. 72]. Они могли уйти на второй план, но могли и возродиться, если на них возникал литературный спрос. Так, по мнению Веселовского, поэтическая эволюция и традиция оправдывали существование друг друга, однако, несмотря на жанрово-стилистическую общность, генетической преемственности в этом эпическом пространстве могло и не быть. Ученый предлагал дифференцировать эпические произведения на те, которые бытуют только в устной форме, на те, которые были письменно зафиксированными и те, которые сформировались автором в литературе с опорой на устно-поэтическую традицию, и изучить их связи. Современный эпосовед С. Ю. Неклюдов по этому поводу не так давно заметил следующее: «Если книжный эпос по своим эстетическим установкам скорее ориентирован на породившую его фольклорную стихию, в этом смысле как бы обращен назад и не имеет потенциалов для последующей литературной эволюции, то гетерогенная по своему происхождению литература с самого своего возникновения обнаруживает не только способность быть созвучной настроениям породившей ее эпохи, но и продуктивность в перспективе дальнейшего развития» [37, с. 52].

В свое время А. Н. Веселовский назвал несколько причин, когда эпическое мирозерцание утрачивает свое влияние и становится личностно-ориентированным: 1) социум теряет «связь с прошлым, с его поэтической идеализацией» [38, с. 584], 2) «расторглась цельность общественного строя» [13, с. 508]; 3) «личность приносит с собой скепсис и разнообразие понимания» [13, с. 508] истории, удаляет поэта в его внутренний мир. Каждому из этих пунктов ученый уделил в своих работах особое внимание.

Когда часть нации удалена от участия в политике и правлении, отмечал он, происходит «раздвоение народного сознания» [13, с. 517], из-за этого эпос дифференцируется и перестает быть национальным. «В высших классах слагается литературный стиль эпоса» [13, с. 517], формируется книжный эпос. Внешне он подражает древним формам эпоса, но общенародных интересов уже не отстаивает, «внимание поэта обращено на изображение психических моментов, за счет которого сокращается момент эпического рассказа» [13, с. 518], в содержании доминирует «субъективное понимание исторических и легендарных фактов» [13, с. 514], что, по оценке Веселовского, – «в сущности, *отрицание* эпоса» [13, с. 514]. Низшие классы создают свой – простонародный эпос, который «сохраняется областной памятью» [13, с. 514], питается перепевами старого, окрашиваясь местными представлениями. Оба эпоса отличаются друг от друга стилем, способом отражения идеального, восприятием героев и т. д. Когда впечатления от внешнего мира сужаются еще больше, общенародное верование в некогда сакральные смыслы угасает – «абсолютный художественный принцип» [13, с. 507] эпоса вульгаризируется. И в аристократическом, и в простонародном эпосе его идеалы снижаются до грубого преувеличения, юморизма, шаржа, карикатуры и т. д.

С ростом личностного сознания, считал А. Н. Веселовский, «внимание певца, до тех пор исключительно отданное *объективной* действительности» [34, с. 139], обращается к своему собственному «я» и наряду с эпическим в тексте появляются лирические и драматические компоненты. «Какую из данных форм изберет поэт – будет зависеть от его произвола. <...> Но еще более это зависит от качества мирозерцания, от перемены или обогащения поэтических идеалов, приведенного поворотом в культуре, либо знакомством с новой» [34, с. 140]. Другими словами, посыл Веселовского заключался в том, что за каждым из типов эпического текста (устного, книжного, литературного) лежит языковая система, система этнических ценностей, предание, народная память, социокультурный контекст. Тексты по-разному ведут себя в той или иной ситуации, по-разному взаимодействуют друг с другом, поэтому любой эпический текст можно считать частью «интертекстуальности» (термин Ю. Кристевой). И хотя Веселовский этот термин не употреблял, само это явление описано им как нельзя точно.

Проблемы изучения эпоса ученый пытался решать и с позиции акта референции. И тут он обнаружил следующую дилемму: «известный, решающий в жизни народа *факт* мог вызвать его *воспроизведение* в песни и в ней жить дольше и развиваться до *неузнаваемости*; но и первый призыв к эпической *идеализации факта* мог быть дан в предыдущем развитии, в готовых типах героизма, к которым могли лишь позже пристроиться исторические имена. Ответ на поставленный вопрос ставится так: *аким* обр^азом обоюдоостро: *историческое событие*

могло вызвать эпическую песнь, эпическая песнь могла заимствовать обстановку истории» [13, с. 511]. В первом случае, назовем его нарративным, текст складывается по следам событий, когда содержание рассказа выстраивается в той последовательности, которую зафиксировали очевидцы. Во втором случае, назовем его архитектурным, речь идет об интерпретации событий по принципам общего строения эпического текста. Отдельно следует отметить, что такая двойственность подхода присуща Веселовскому всегда. Так ему удавалось шире охватить проблему, посмотреть на нее под разными углами зрения, а для понимания сути эпоса – это было особенно важно.

Прежде чем переходить к комментированию того или иного текста, Веселовский рекомендовал определить, с каким типом референции мы имеем дело. «Нет ничего заманчивее задачи, естественно представляющейся исследователю народного быта в его разнообразных проявлениях, угадать в ныне живущем суеверном обряде, обычае, образе песни полузабытые следы действительных житейских отношений, юридических взглядов и серьезных требований культа» [39, с. 104]. Однако, если мы хотим восстановить культурный факт, не оставивший по себе иной памяти, кроме народно-поэтической, – «необходимо отличать бытовую ассоциацию от ассоциации поэтической и не делать заключения от одной к другой. Песня, в которой неверная жена и ее полюбивник изрублены и смолоты жерновами, – поясняет Веселовский, – могла действительно сохранить память о реальной казни или жертве; эту ассоциацию я называю бытовой, и не скрою, что показания песни представляются мне неубедительными, когда за ними не стоит ни одного фактического упоминания о действительном существовании обычая» [39, с. 105]. Или предстать поэтической ассоциацией – смолоть, истолочь виновных подсказывает воображение, знакомое с действием жерновов. Такая же ситуация и с песней о Стеньке Разине. С точки зрения бытовой ассоциации, выбрасывая за борт персидскую княжну, он приносит реке человеческую жертву, но с позиции разбойничьей песни этот поступок – проявление удали, молодечества, похвальбы.

Размышляя о языке и поэтике северорусских былин, ученый не раз обращал внимание исследователей на то, что исполнители оперируют готовыми фразами, словами, мотивами, поэтическими формулами и таким образом воспроизводят языковой опыт прошлых поколений. Благодаря этому консерватизму, как полагал А. Н. Веселовский, с помощью этимологии языковых и изобразительных средств можно изучать процессы исторического развития поэтики в целом. И, действительно, как показал опыт Л. А. Астафьевой, В. М. Гацака, А. П. Евгеньевой, Т. Н. Кондратьевой, Ю. А. Новикова, «язык эпических песен древнее разговорной речи исполнителей» [40, с. 172]. В эпосе сохранились формулы «из живой разговорной речи» [40, с. 77] предков и их можно использовать как своеобразное «окно в прошлое», позволяющее с высокой степенью достоверности реконструировать многие особенности общественного и семейного быта исторического прошлого.

Заключение

Высоко оценив значение трудов А. Н. Веселовского для эпосоведения, С. Н. Азбелев писал так: «положения, высказанные и обоснованные им столетие назад, остаются непоколебленными» [41, с. 30], и с этим нельзя не согласиться.

1. Одним из первых Веселовский поставил перед собой задачу в методологическом плане высвободить поэтику фольклора из-под литературоведческой теории и начал изучать эпос как особый художественный мир с присущими именно ему закономерностями.

2. В стремлении найти такой научный принцип, который позволил бы учитывать все стадийные состояния эпоса и его художественно-типичные формы, Веселовский начал работать в междисциплинарном пространстве, интегрировать в фольклористику приемы аналитической психологии, социальной истории, компаративистской философии, археологии, статистики и т. д.

3. В своей исследовательской практике Веселовский использовал методы разных научных школ. Их умелое синтезирование позволило ему положить начало новым способам научного анализа сравнительно-типологическому, структурально-функциональному, семантико-стилистическому, историко-контекстуальному, когнитивно-дискурсивному, которые получили сегодня широкое распространение, однако не были осмыслены в связи с его именем.

4. Методологические и теоретические поиски Веселовского в области эпосоведения заслуживают нашего особого внимания, особенно с точки зрения генезиса и эволюции художественных систем эпического наследия разных народов, изучаемых им с учетом не только поэтических, но и историко-этнических, социально-политических, этнографических, ментальных и прочих аспектов.

5. Опыт Веселовского в сравнительно-исторических исследованиях расширяет наше представление о феномене эпоса, который, в отличие от мифа, «документирует» реальные события, а не метафоризирует их, что само по себе давало импульс к «личному почину».

6. Как точно заметил В. И. Тюпа, в своих работах Веселовскому удалось построить такую стратегию научного познания, которая позволяла ему оценивать художественный текст через «двоякую принадлежность к процессу исторического движения культуры: а) к определенной национальной традиции; б) к определенной стадии эволюции (прецеденты в параллельно развивающихся исторических общностях)» [42, с. 79].

Литература

1. Азбелев С. Н. Рукописи А. Н. Веселовского по народному эпосу / С. Н. Азбелев // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. – Санкт-Петербург, 1993. – С. 3-16.
2. Веселовский А. Н. Избранные статьи / А. Н. Веселовский ; под общей редакцией М. П. Алексеева, В. А. Десницкого, В. М. Жирмунского, А. А. Смирнова. – Ленинград : Художественная литература, 1939. – 572 с.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / Редактор, вступительная статья и примечания В. М. Жирмунского. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – 648 с.
4. Дементьев А. Г. За большевистскую партийность науки о литературе / А. Г. Дементьев // Литература в школе. – 1948. – № 4. – С. 21–27.
5. Азбелев С. Н. Эпосоведческое наследство А. Н. Веселовского в современности / С. Н. Азбелев // Русский фольклор. – 1995. – Т. XVIII. – С. 32–44.
6. Веселовский А. Н. Новые исследования о французском эпосе / А. Н. Веселовский // Журнал министерства народного просвещения. – 1885. – Ч. CCXXXVIII. – Апрель. – С. 239–285.
7. Жирмунский В. М. Историческая поэтика А. Н. // Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский ; редактор, вступительная статья и примечания В. М. Жирмунского. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – С. 3–37.
8. Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса (1884) // А. Н. Веселовский. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский ; редактор, вступительная статья и примечания В. М. Жирмунского. – Ленинград : Художественная литература, 1940. – С. 446–492.
9. Веселовский А. Н. Из лекций по истории эпоса / А. Н. Веселовский ; Публикация В. М. Гацака // Типология народного эпоса. – Москва : Наука, 1975. – С. 287–319.
10. Шишмарёв В. Ф. Александр Николаевич Веселовский / В. Ф. Шишмарёв // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. – 1938. – № 4. – С. 3–42.
11. Азбелев С. Н. История эпоса в неизданных рукописях А.Н. Веселовского / С. Н. Азбелев // Русская литература. – 1988. – № 1. – С. 129–139.
12. Веселовский А. Н. Эпос / Публикация и комментарии С. Н. Азбелева // А. Н. Веселовский. Избранные труды и письма / Ответственный редактор П. Р. Заборов. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – С. 99–109.
13. Веселовский А. Н. Эпос (Из авторского конспекта лекционных курсов 1881–1882 и 1884–1885 гг.) поэтике / Составитель тома, автор послесловия и комментариев И. О. Шайтанов // А. Н. Веселовский. Избранное : На пути к исторической. – Москва : Автокнига, 2010. – С. 507–520.
14. Гусев В. Е. Проблемы теории и истории фольклора в трудах А. Н. Веселовского конца XIX – начала XX в. / В. Е. Гусев // Русский фольклор. – 1962. – Т. 7. – С. 217–240.
15. Веселовский А. Н. [Рецензия]: Две Варшавские диссертации / А. Н. Веселовский // Вестник Европы. – 1872. – Август. – С. 902–918.
16. Veselovskiy (Wesselofsky) A. Die neueren Forschungen auf dem Gebiete der russischen Volkspoesie. Zweiter Artikel. Ein deutsches Werk über die russischen Bylinen. I–II // Russische Revue. – 1882. – Bd. XI. – Hf. 5. – S. 403–446.

17. Веселовский А. Н. [Рецензия] : Труды этнографически-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом, юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским, 7 томов / Составление тома, примечания, археографическая работа, предисловие Т. В. Говенько // А. Н. Веселовский. Избранное : Эпические и обрядовые традиции. – Москва : Политическая энциклопедия, 2013. – С. 527–594.
18. Веселовский А. Н. [Рецензия]: «И. Жданов. К литературной истории русской былевой поэзии. Киев, 1881» / А. Н. Веселовский // Журнал министерства народного просвещения. – 1884. – Ч. ССXXXI. – Февраль. – С. 359–396.
19. Азбелев С. Н. Труд А. Н. Веселовского «Южнорусские былины» : проблемы издания / С. Н. Азбелев // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия : исследования и материалы. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – С. 72–79.
20. Веселовский А. Н. Былины о Волхве Всеславьевиче и поэмы об Ортните / А. Н. Веселовский ; публикация С. Н. Азбелева // Русский фольклор. – 1993. – том 27 – С. 273–312.
21. Веселовский А. Н. Избранное : эпические и обрядовые традиции / А. Н. Веселовский ; составление тома, примечания, археографическая работа, послесловие Т. В. Говенько. – Москва : Политическая энциклопедия, 2013. – 639 с.
22. Багно В. Е. А. Н. Веселовский : актуальные аспекты наследия / В. Е. Багно, М. Б. Плюханова // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия : исследования и материалы. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – С. 3–16.
23. Энгельгардт Б. М. Александр Николаевич Веселовский / Б. М. энгельгардт. – Петроград : Колос, 1924. – 214 с.
24. Еремина В. И. Познание истины : из истории русской фольклористики XIX–XX вв / В. И. Еремина. – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2019. – 604 с.
25. Веселовский А. Н. Южнорусские былины / А. Н. Веселовский ; Составление тома, примечания, археографическая работа, послесловие Т. В. Говенько // А. Н. Веселовский. Избранное : эпические и обрядовые традиции. – Москва : Политическая энциклопедия. 2013. – С. 10–432.
26. Хализев В. Е. Историческая поэтика : перспективы разработки / В. Е. Хализев // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 1980. – Вып. 1. – С. 3-9.
27. Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки / Составитель тома, автор послесловия и комментариев И. О. Шайтанов // Веселовский А. Н. Избранное : на пути к исторической поэтике. – Москва : Автокнига, 2010. – С. 9–28.
28. Халанский М. Г. Русские былины Киевского цикла / М. Г. Халанский. – Москва, 1885. – 235 с.
29. Бахтин М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 300 с.
30. Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом): Ф. 45. Оп. 1. Ед. хр. 329.
31. Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики / П. Зюмтор. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. – 544 с.
32. Veselovskiy (Wesselofsky), A. N. [Рецензия]: «Песнь о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче. Исследование по истории развития славяно-русского эпоса. И. Созоновича. Варшава, 1886» / A. N. Veselovskiy (Wesselofsky // Archiv für Slavische Philologie. – 1887. – Bd. X. – S. 27–42.
33. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов / А. Н. Веселовский ; автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома И. О. Шайтанов // Избранное : историческая поэтика / – Москва : РОССПЭН, 2006. – С. 535–652.
34. Веселовский А. Н. Определение поэзии (1959) / А. Н. Веселовский ; автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома И. О. Шайтанов // Избранное : историческая поэтика. – Москва : РОССПЭН, 2006. – С. 81–170.
35. Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса (По поводу итальянских сказок) / А. Н. Веселовский // Собрание сочинений Александра Николаевича Веселовского. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1938. – Т. XVI. – С. 1–82.
36. Веселовский А. Н. Из введения в историческую поэтику : вопросы и ответы (1894) / А. Н. Веселовский ; автор вступительной статьи и комментариев, составитель тома И. О. Шайтанов // Избранное : историческая поэтика. – Москва : РОССПЭН, 2006. – С. 55–80.
37. Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии : эпос книжный и устный / С. Ю. Неклюдов. – Москва : Индрик, 2019. – 592 с.

38. Веселовский А. Н. История или теория романа? (1886) / А. Н. Веселовский ; Составитель тома, автор послесловия и комментариев И. О. Шайтанов // Избранное : на пути к исторической поэтике. – Москва : Автокнига, 2010. – С. 577–602.
39. Веселовский А. Н. Критические и библиографические заметки (1879) / Веселовский А. Н. ; составитель Т. В. Говенько // Избранное : критические статьи и заметки. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 96–109.
40. Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция / Ю. А. Новиков. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. – 373 с.
41. Азбелев С. Н. Веселовский и историческое изучение эпоса / С. Н. Азбелев ; ответственный редактор П. Р. Заборов // Наследие Александра Веселовского : исследования и материалы. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – С. 6–31.

References

1. Azbelev S. N. Manuscripts by A. N. Veselovsky on the National Epos. In: Yearbook of the manuscript department of Pushkin House for 1990. Saint-Petersburg, 1993, pp. 3-16. (In Russ.)
2. Veselovsky A. N. Selected article. Edition by Alekseeva M. P., Desnaitsky V. A., Zhirmunsky V. M., Smirnova A. A. Leningrad, Artistic literature Publ., 1939, 572 p. (In Russ.)
3. Veselovsky A. N. Historical poetics. Edition, introductory article and V. M. Zhirmunsky's notes. Leningrad, Artistic literature Publ., 1940. 648 p. (In Russ.)
4. Dementiev A. G. For the Bolshevik Party of Science of Literature. Literature v shkole. 1948, no. 4, pp. 21-27. (In Russ.)
5. Azbelev S. N. A.N. Veselovsky's legacy in epic studies in modern times. Russkiy folklor, 1995, Vol. XVIII, pp. 32-44. (In Russ.)
6. Veselovsky A. N. New research on French epics. Magazine of the Ministry of Folk Enlightenment. 1885, part CCXXXVIII, April, pp. 239-285. (In Russ.)
7. Zhirmunsky V. M. Historical poetics of A. N. Veselovsky. In: Veselovsky A. N. Historical poetics. Edition, introductory article and V. M. Zhirmunsky's notes. Leningrad, Artistic literature Publ., 1940, pp. 3-37. (In Russ.)
8. Veselovsky A. N. From lectures on the history of the epic. In: A. N. Veselovsky. Historical poetics. Edition, introductory article and notes of V. M. Zhirmunsky's. Leningrad, Artistic literature Publ., 1940, pp. 446-492. (In Russ.)
9. Veselovsky A. N. From lectures on the history of the epic. In: Typology of the National epic. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 287-319. (In Russ.)
10. Shishmarov V. F. Alexander Nikolaevich Veselovsky. Izvestia Academy of Sciences of the USSR. Department of Public Sciences. 1938, no. 4, pp. 3-42. (In Russ.)
11. Azbelev S. N. History of the epic in unpublished manuscripts A.N. Veselovsky. Russkaya literatura. 1988, no. 1, pp. 129–139. (In Russ.)
12. Veselovsky A. N. Epos. Edition S. N. Azbelheva. In: A. N. Veselovsky. Selected works and letters. Edition P. R. Zaborov. Saint-Petersburg, Nauka Publ, 1999, pp. 99-109. (In Russ.)
13. Veselovsky A. N. Epos (from the author's abstract lecture courses 1881-1882 and 1884-1885). In: A. N. Veselovsky. Selected: The path to historical poetics. Compiled by, and afterword and comments written by I. O. Shaitanov. Moscow, Avtokniga Publ., 2010, pp. 507-520. (In Russ.)
14. Gusev V. E. Problems of the theory and history of folklore in the works of A. N. Veselovsky at end of the 19th – early 20th century. Russkiy folklor. 1962, vol. 7, pp. 217-240. (In Russ.)
15. Veselovsky A. N. [Critique]: Two Warsaw dissertations. Vestnik Yevropy. 1872, August, pp. 902-918. (In Russ.)
16. Veselovsky A. N. New studies in the field of Russian folk poetry. Second article. German work on Russian epics. Russische Revue. 1882, vol. XI, part. 5, pp. 403–446. (In German)
17. Veselovsky A. N. [Critique]: "Proceedings of the ethnographic-statistical expedition to the West-Russian region, equipped by the imperial Russian geographic society, the south-western department. Materials and research collected by P. P. Chubinsky, 7 volumes» (1880). In: Veselovsky A.N. Selected: epic and ritual traditions. Compilation of volume, notes, archaeographic work, afterword by T. V. Govenko. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2013, pp. 527-594. (In Russ.)

18. Veselovsky A. N. [Critique]: «I. Zhdanov. To the literary history of Russian historical poetry. Kiev, 1881». Magazine of the Ministry of Folk Enlightenment. 1884, part. CCXXXI, pp. 359-396. (In Russ.)
19. Azbelev S. N. Work of A. N. Veselovsky South Russian epics: Problems of publication. In: Alexander Veselovsky. Relevant aspects of heritage. Research and materials. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 72-79. (In Russ.)
20. Veselovsky A. N. The Bylina of Volchv Vseslavievich and the poem about Ornit. Edition by S. N. Azbelev. Russkiy folklor. 1993, vol. 27, pp. 273-312. (In Russ.)
21. Veselovsky A.N. Selected: epic and ritual traditions. Compilation of volume, notes, archaeographic work, afterword by T. V. Govenko. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2013, 639 p. (In Russ.)
22. Bagno V. E., Plukhanova M. B. A. N. Veselovsky: Relevant aspects of heritage. In: Alexander Veselovsky. Actual aspects of heritage. Research and materials. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp 3-16. (In Russ.)
23. Engelgardt B. M. Alexander Nikolaevich Veselovsky. Petrograd, Kolos Publ., 1924, 214 p. (In Russ.)
24. Eremina V. I. Knowledge of truth: from the history of Russian folklore of the 19th-20th centuries. Saint-Petersburg, Svoe izdatelstvo Publ., 2019, 604 p. (In Russ.)
25. Veselovsky A. N. South Russian epics. In: Veselovsky A.N. Selected: epic and ritual traditions. Compilation, notes, archaeographic work, afterword by T. V. Govenko. Moscow, Political Encyclopedia Publ., 2013, pp. 10-432. (In Russ.)
26. Khalizev V. E. Historical poetics: developmental prospects. In: Problems of historical poetics. Petrozavodsk, 1980, iss. 1, pp. 3-10. (In Russ.)
27. Veselovsky A. N. On the method and objectives of the history of literature as a science. In: A. N. Veselovsky. Selected: The path to historical poetics. Compilation, afterword, and comments by I. O. Shaitanov. Moscow, Avtokniga Publ., 2010, pp. 9-28. (In Russ.)
28. Khalansky M. G. Russian epics Kiev cycle. Moscow, 1885, 235 p. (In Russ.)
29. Bakhtin M. M. The Epic and the Novel. Saint-Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 300 p. (In Russ.)
30. Manuscript department Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House): F. 45. Reg. 1. No. 329. (In Russ.)
31. Zymtor P. Experience in creating medieval poetics. Saint-Petersburg, Alteya Publ., 2003, 544 p. (In Russ.)
32. Veselovskiy (Wesselofsky) A. N. [Critique]: "Song of the girl-warrior and epics about the Star of Godinovich. Study on the history of the development of the Slavic-Russian epic. I. Mostrovich. Warsaw, 1886". Archiv für Slavische Philologie. 1887, Vol. X, pp. 27-42 (In Russ.)
33. Veselovsky A. N. The poetics of plot. In: Veselovsky A.N. Selected: Historical poetics. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, pp. 535-652. (In Russ.)
34. Veselovsky A. N. The definition of poetry. In: A. N. Veselovsky. Selected: Historical poetics. Introductory article, comments, and compilation by I. O. Shaitanov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, pp. 81-170. (In Russ.)
35. Veselovsky A.N. Notes and doubts about the comparative study of the medieval epic (about Italian fairy tales). In: Collected works of Alexander Nikolaevich Veselovsky. Vol. XVI. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1938, pp. 1-82. (In Russ.)
36. Veselovsky A.N. From the introduction to historical poetics. Questions and Answers (1894). In: A. N. Veselovsky. Selected: The path to historical poetics. Compilation, afterword, and comments by I. O. Shaitanov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 55-80. (In Russ.)
37. Neklyudov S. Yu. The Folkloric landscape of Mongolia : the literary and oral epic. Moscow, Indrik Pubi., 2019, 592 p. (In Russ.)
38. Veselovsky A. N. History or theory of the novel? In: A. N. Veselovsky. Selected: On the way to historical poetics. Compilation, afterword, and comments by I. O. Shaitanov. Moscow, Avtokniga Publ., 2010, pp. 577-602. (In Russ.)
39. Veselovsky A. N. Critical and bibliographic notes (1879). In: Veselovsky A. N. Selected: Critical articles and notes. Compiled by T. V. Govenko. Moscow, Saint-Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2016, pp. 96-109. (In Russ.)
40. Novikov Yu. A. Fazier and the epic tradition. Saint-Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2000, 373 p. (In Russ.)
41. Azbelev S. N. Veselovsky and the historical study of the epic. In: Legacy of Alexander Veselovsky. Research and materials. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1992, pp. 6-31. (In Russ.)